

«ЕВРЕИ. ИСТОРИЯ НАРОДА» ГОВАРДА ФАСТА (Информативность и художественность)

Наталья Лейтес

В отличие от многочисленных книг по истории евреев, базирующихся, прежде всего, на Торе как историческом источнике, воспринимаемом буквально, произведение Говарда Фаста принадлежит к этому ряду лишь отчасти, и жанр его определить не просто. Это не изложение библейских преданий, взятых в качестве основы сюжета там, где речь идет о еврейской древности, не книга по истории в чистом виде и не исторический роман. В книге есть художественный пласт изображения, но это не библейские предания как таковые; в ней нет примет исторического романа, новеллы или драмы, в центре которых – исторические события, исторические фигуры или особенности жизни и быта эпохи, отодвинутой в прошлое. Она скорее напоминает эссе, где авторские размышления над приводимыми фактами заметно преобладают над их описанием. Факты проверяются и перепроверяются на достоверность, рождают сомнения, вопросы, предположения, варианты ответов, прозрения, подкрепляемые элементами лингвистических и других наблюдений, самый же факт при всем том остается нередко не установленным. Все это усиливает ощущение уникальной древности еврейского народа, как бы удлиняя дистанцию от времени его самоосознания до наших дней, чему уже целых 4000 лет.

Книга Фаста все время соотносится с Торой. Фаст обращается к ней множество раз, но не для того, чтобы сверить по ней излагаемые им события, а для того, чтобы уточнить и реалистически осмыслить излагаемые в ней предания, разглядеть в ее мифах реальную основу и оценить их с современных позиций.

Как известно, библейские мотивы становились сюжетами художественных произведений всех родов и жанров несчетное множество раз. Большинство таких произведений, исключая созданные с целью прямого утверждения религиозных постулатов, содержат индивидуальную интерпретацию библейских мотивов и образов, а значит, и полемику с их канонической трактовкой. Такова, например, драма Байрона «Каин», которой поэт придал богоборческую направленность. Библейский сюжет, но тоже трактуемый на свой лад, использован в поэме Джона Мильтона «Потерянный рай», в «Иосифе и его братьях» Т.Манна, в ряде других произведений. Иная ситуация предстает перед нами в случае с книгой Говарда Фаста «Евреи. История народа» (1968). Фаст многократно ссылается на Тору, используя ее как источник исторической информации, но при этом, как уже говорилось, он реалистически переосмысляет ее мистические мотивы и разгадывает ее загадки. Так, например, в Торе сказано, что Бог при помощи дыма и огня указывал путь евреям, когда они, выведенные Моисеем из Египта и освобожденные из египетского рабства, бродили по пустыне. Фаст же пишет, что это, скорее всего, был действующий вулкан, который они принимали за Бога, и тем самым демонстрирует извлечение из Торы возможных фактических данных. Вместе с тем, он полагает, что евреи бродили по синайской пустыне «не каких-нибудь сорок лет, а много сотен лет», понимая, что 40, будучи одним из священных чисел, взято как условный метафорический срок, якобы определенный Моисеем в связи с его замыслом заменить поколение людей с рабским сознанием

людьми, свободно мыслящими.

В центре книги Фаста – обобщенный образ народа, из которого время от времени выступают отдельные исторические фигуры (Моисей, Давид, Соломон и др.), чтобы почти сразу же вернуться в целостный нерасчлененный образ. Фаст не превращает образ народа в собрание персонажей, он ведет разговор об общей истории и судьбе народа, а не о судьбах отдельных его представителей, и в этом он следует за Торой, создававшейся во времена, когда до понятия личности было еще далеко. В отличие от Торы, в которой преобладает объективированность рассказа, повествование Фаста очень лично, голос автора все время ясно слышен, и его острый интерес к предмету разговора очевиден. Трудно найти у Фаста эмоционально нейтральные куски повествования, – для него типичен такой, к примеру, текст:

«Широко известный в древности народ оказался обращен в рабство в то время, когда Рим и Афины были деревушками, а Центральной Европы, где обитали племена раскрашенных тевтонцев, еще не коснулась цивилизация»*

Здесь слышатся и горечь, и возмущение. Чуть ли не в любой своей части повествование у Фаста эмоционально напряжено и стимулирует неравнодушное отношение читателя к происходящему на страницах книги. Интонация книги Фаста, взятой в целом, может быть определена как сопереживающее размышление, ее живая личностность делает книгу произведением искусства, а образ автора – ее героем, наряду с образом еврейского народа. Это образ того, кто пытается понять, как это было, кто ищет историческую истину, чтобы понять суть и причины особой судьбы еврейского народа и особого к нему отношения.

Компактное и насыщенное изложение в книге Фаста производит глубокое впечатление своей аналитичностью, ясностью видения исторического процесса, его подоплеку и сложных перипетий, подвергаемых прямо в тексте проверке и перепроверке, испытанию на истинность и внутреннюю логику.

При этом Тора предстает у Фаста во многих функциях: она – и основа повествования, и его предмет, и объект полемики, и ее же субъект. Тора – тоже произведение, в большей части своей художественное, но она канонизирована, и потому обращаться с ней принято соответственно. Фаст использует известные библейские мотивы, связанные с историей Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, он заимствует некоторые стилевые особенности Торы, и по мере развития сюжета обращается со священной книгой все более свободно. Он ведет с ней непрерывный диалог, то ссылаясь на нее, то оспаривая ее утверждения, то реалистически переосмысляя ее мифологические построения. Фаст создает свой, как бы параллельный, вариант известной библейской истории.

Писатель развивает повествование многоаспектно и многослойно. Наряду с фактографической информацией, ее возможными вариантами, предположениями, допущениями и опровержениями, в книге есть целые пласты отчетливо выделяющейся поэтической образности. Они представляют собой, как правило, ритмизированную прозу.

Ритм подчеркивается аллитерациями, ассонансами, повторами, инверсиями, выделяющими акцентированные слова, синтаксическими параллелизмами. Следующая за этим информация не слишком контрастирует с ритмизированной прозой в силу своей неопределенности и не разрушает ее поэтичности, а как бы подключается к ней. Приведу в качестве иллюстрации отрывок из первой главы.

Поэтический зачин:

«Пустыня была безотрадной, безжалостной и безводной, а они были жителями пустыни, пастухами. Все их богатство составляли овцы и козы. Они переходили от одного скудного пастбища к другому, от одного источника к другому. Их сообщество было племенным, их властителем был патриарх. Он был облечен абсолютной властью, он вершил суд, он распоряжался их жизнью и смертью. У него было много жен; кажется, он обладал правом взять себе в наложницы любую незамужнюю женщину племени, чтобы она рожала ему детей. Власть его была абсолютна, но ее ограничивали три жестокие силы: бедность, лишения и голод».

Фактографическая информация (в сокращении):

«Численность каждого племени была от ста до тысячи человек... Члены племени жили в шатрах. Они ткали полотно из шерсти овец и шили обувь из их шкур...Пределом их странствий и пастбищ была полоса земли, длиной около пятисот и шириной менее ста километров...».

Комментарий к сказанному, включающий предположение:

Сказанное вовсе не означает, что стада паслись по всей этой земле. Скорее, каждое племя пользовалось правом пасти свои стада лишь на ограниченном пространстве... Если лучшее место принадлежало другому племени, это означало кровопролитие.

Поэтическое завершение:

Жизнь их была скудна и горька, но воздух был чист, и в ночном небе отражалась Вселенная, а у пастухов всегда есть время смотреть на звезды и мечтать..(с. 5 - 6)

Как видим, в книге Фаста соседствуют художественные и как бы не художественные части текста. Это опасное соседство, способное разрушить художественное впечатление. Опыт Солженицына в «Красном колесе» как раз и показывает, сколь неблагоприятным может оказаться этот путь. «Красное колесо», на мой взгляд, просто нечитабельно. В книге Фаста эти, казалось бы, противоречащие друг другу начала поддерживают друг друга и, несмотря на то, что информационный текст занимает много больше площади, чем текст собственно художественный, книга в целом воспринимается как произведение искусства, поскольку художественное начало активно воздействует на ее общую атмосферу, втягивая в художественную картину и то, что, казалось бы, ей чужеродно.

Названия глав книги Фаста лаконичны и торжественны – Пустыня, Земля, Цари и Пророки, Вечный странник, что придает им как бы библейскую значительность. Однако, по мере приближения к нашему времени, ход повествования убыстряется, его поэтичность несколько ослабевает, а информативность усиливается. Но книга все же не превращается в чисто историческое сочинение. Ее личностная интонация сохраняется, а заголовок последней, одиннадцатой главы – «Сионизм и Холокост», что для евреев синонимично антитезе «Жизнь и Смерть», – возвращает читателей не только к ситуации, в которой евреи находятся и по сей день из-за живучести антисемитизма, но и к библейской значительности обозначения этой ситуации.